

СТАЛИНГРАДСКАЯ
БИТВА

**К 80-летию главного сражения
Великой Отечественной**

МАЙКЛ ДЖОНС

СТАЛИНГРАД

КАК СОСТОЯЛСЯ ТРИУМФ КРАСНОЙ АРМИИ

ЯУЗА

**МОСКВА
2023**

УДК 94(47+57)"1942/43"
ББК 63.3(2)622.12
Д42

Michael K. Jones
Stalingrad: How the Red Army Triumphed

Фотография на обложке:
© *Аркадий Шайхет* / РИА Новости

Джонс, Майкл.

Д42 Сталинград. Как состоялся триумф Красной Армии / Майкл Джонс ; [перевод с английского М. П. Свириденкова]. — 6-е издание. — Москва : Яуза-пресс, 2023. — 352 с. — (Сталинградская битва. К 80-летию главного сражения Великой Отечественной).

ISBN 978-5-9955-1099-4

Эта книга известного американского военного историка — одно из лучших исследований битвы за Сталинград. Ярко описав бои в городе с середины сентября до середины ноября 1942 г., Майкл Джонс (Michael K. Jones) смог убедительно, глазами непосредственных участников показать переломное сражение Великой Отечественной войны, поистине впечатляюще передав его отчаянный, жестокий характер.

УДК 94(47+57)"1942/43"
ББК 63.3(2)622.12

ISBN 978-5-9955-1099-4

© Джонс М., 2023
© Свириденков М.П., пер. с англ., 2023
© 000 «Яуза-пресс», 2023

От автора

27 сентября 1942 года в Сталинград прибыло пополнение. Русский солдат Иосиф Фурман писал своей семье в сибирский город Иркутск: «Сегодня мой второй день на передовой, здесь происходит величайшая битва в истории человечества». Ощущение радостного возбуждения, смешанного с ужасом предстоящих кровавых боев, опьяняло каждого солдата. Но Фурман тонко уловил глубокое значение крупнейшего столкновения войск Германии и Советского Союза, ставшего определяющим моментом Второй мировой войны.

События Сталинградской битвы будут всегда увлекать живущих. Содержание этой книги посвящено русским защитникам города, бойцам 62-й армии. Автор в меру своих сил попытался воссоздать то, чем дышали и жили бойцы этого воистину выдающегося воинского формирования. Надежда выжить умерла в душе одного из тех солдат менее чем за два дня. «Не проходит ни секунды без грохота артиллерийских залпов, звона падающих гильз, треска пулеметов, — продолжал Фурман в своем письме. — Везде трупы, и я не знаю, что случится через час». Однако те, кто выжил после столь страшного боевого крещения, сохранили волю к победе. Ветераны Советской Армии убеждены, что именно сила духа, выкованная в самых ужасных усло-

★ ОТ АВТОРА

виях, позволила им противостоять страшнейшему наступлению врага.

Сталинград стал катастрофическим поражением Германии, однако история этой знаменитой битвы обычно рассматривается с точки зрения стратегических ошибок Гитлера и его высшего командования. Тем не менее Сталин и его военачальники также допускали серьезные ошибки. Они не предполагали, что защитники Сталинграда окажутся отрезанными от остальных армейских формирований и буквально запертыми в городе на столь долгий срок. В сентябре 1942-го ошибки в расчетах советского командования привели к тому, что Красная Армия терпела одно поражение за другим, в результате чего 62-й армии пришлось противостоять подавляющему количеству немецких войск, полагаясь только на собственные силы.

Каким чудом русские смогли выстоять? Этот вопрос до сих пор озадачивает многих. 11 ноября 1942 года, когда немцы начали свой последний решительный штурм Сталинграда, в дневнике боевых действий 62-й армии значилось, что численность некоторых ее ключевых дивизий сократилась до нескольких сотен человек. Истерзанные в боях остатки армии отступили к берегам Волги, однако плывущие по реке льдины препятствовали переброске дополнительных формирований. «Армия в исключительно сложной ситуации. — От записанного в журнале боев веет безнадежностью. — Только беспримерный героизм и стойкость бойцов позволили нам удержать позиции и продолжать сопротивление значительно превосходящему по силе врагу».

Мне хотелось показать, какой видят сами защитники Сталинграда свою невероятную победу. К их точке зрения стали прислушиваться только недавно, с распадом СССР и крушением коммунистического строя. Анатолий Козлов, глава Волгоградской организации ветеранов, рассказывал мне о значимом решении, к которому он и другие защитники Сталинграда пришли совершенно спонтанно на встрече по поводу пятидесятой годовщины битвы: «Мы договорились рассказывать правду о Сталинграде, повествуя о происходившем там прямо и просто, без коммунистической риторики и клише». Именно Анатолий

Козлов во многом и направил мои исследования в то русло, в каком они здесь представлены.

В течение последних пяти лет, изучая Сталинградскую битву, я работал вплотную с русскими ветеранами. Осуществить путешествие в Россию мне помогли Алэн Руни из туристической компании «Мидас энд Холте Бэтлфилд Туре», предлагающей экскурсии по местам легендарных боев, а также представитель сотрудничавшей с «Мидас энд Холте» российской турфирмы Олег Александров, непосредственно руководивший организацией моей поездки. Именно Олег договаривался о моих встречах с членами Московского совета ветеранов войны, чьи доброжелательность и гостеприимство способствовали моему интересу к Сталинградской битве.

На месте этого грандиозного сражения такими же, как во время войны, остались лишь названия некоторых улиц и окрестных населенных пунктов. Даже сам город в хрущевскую эпоху был переименован в Волгоград. Однако, когда я слушал рассказы ветеранов, руины разрушенных боями зданий словно воскресали передо мной. Я узнавал, каким был фронтовой Сталинград, из многих бесед с оставшимися в живых бойцами 62-й армии, с которыми мне удавалось познакомиться в Москве и Волгограде. За встречи, проходившие в Москве, я особенно благодарен Марии Фаустовой, секретарю Совета ветеранов 62-й армии, а за встречи в Волгограде — Светлане Аргасцевой, заместителю директора волгоградского музея-панорамы «Сталинградская битва».

Как психолога боев меня интересовало, какими были внутренняя мотивация и духовные ориентиры защитников Сталинграда, именно поэтому для меня так важны были их живые впечатления. Мне посчастливилось общаться со многими из них, но сердцевину моего замысла сформировали неоднократные разговоры с Анатолием Григорьевичем Мережко.

Ныне генерал-полковник в отставке, Анатолий Мережко после войны дослужился до заместителя командующего Вооруженными силами стран — участниц Варшавского договора. Помогая в осуществлении моего проекта, он в течение ряда недель

★ ОТ АВТОРА

путешествовал со мной по местам сталинградских боев. Без его бескорыстной помощи и поддержки эта книга не состоялась бы.

В годы войны А. Г. Мережко в составе 62-й армии был офицером по особым поручениям, который докладывал обо всем напрямую Василию Чуйкову, командующему армией. Панораму событий, выстроенную по его рассказам, мне удалось серьезно расширить благодаря помощи Александра Чуйкова (который предоставил мне доступ к мемуарам, фотографиям и личным бумагам его отца) и Натальи Родимцевой (она также предоставила мне бумаги и фотографии ее отца, Александра Родимцева, командующего 13-й гвардейской дивизией). В сентябре 1942-го Чуйков ввел Родимцева в армейский совет, и вместе они создали новый стиль командования войсками, который позволил противостоять немецкому натиску.

Чуйков и Родимцев руководили всеми операциями, находясь в непосредственной близости от линии фронта, и, таким образом, личным примером поддерживали мужество защитников города. Дивизия Родимцева понесла значительные потери после боев во время немецкого наступления под Донбассом в июле 1942-го. Когда она была переброшена под Сталинград, в ней оставалось совсем немного опытных бойцов, сумевших выжить в тех боях, а большую часть дивизии составляли новобранцы и ополченцы, которых направили в горящий город сразу после нескольких недель подготовки. Аналогично 284-я дивизия Батюка, включившаяся в Сталинградскую битву в конце сентября, еще летом оказалась практически разбита в ходе боев на северо-западе Воронежа и была спешно воссоздана в Уральском военном округе в августе 1942-го. Дэвид Гланц заострил мое внимание на том факте, сколь «примечательно, что обе дивизии тем не менее проявили себя очень хорошо в городских боях».

Батюк, как и Родимцев, разделял все опасности со своими войсками и таким образом заслужил уважение и непоколебимую преданность бойцов. Военные нормы оговаривают, что командование должно быть на определенном удалении от линии фронта. Но в водовороте Сталинграда эти нормы уже не имели прежнего значения. Батюк писал своей жене, сухо излагая со-

бытия, в октябре 1942-го: «Сегодня мне повезло. Снаряд упал в метре от меня, но не взорвался. Так случается уже в третий раз».

Историк Сталинградской битвы Джейсон Марк оказал мне значительную помощь, периодически давая грамотные советы и способствуя продвижению данного проекта. Собственная работа Джейсона Марка «Остров огня» вышла в свет, когда мое исследование отправили в печать. В ней есть фрагмент, который, на мой взгляд, отражает сущность русской обороны.

Полковник Иван Людников, командующий 138-й дивизией, посетил полковой КП. Находившийся там командир полка майор Гуняга был недоволен тем, что ему приходится находиться в чрезвычайной близости от немцев. «Мне нужны нормальные условия, чтобы работать эффективно, а у меня их нет», — жаловался он. «Я знаю, — сочувственно сказал Людников. — Здесь все противоречит обычным нормам военной практики. Но мы сами сломали законы. Мы заставили врага сражаться по тем правилам, которые для него неприемлемы». Затем Людников добавил: «Мы отрезаны от остальной армии, и каждый сам себе судья... Солдат видит твой командный пост у своих окопов. Он знает, как тебе тяжело, но ты не оставляешь передовую. И поскольку ты, командир полка, доверяешь рядовому солдату свою жизнь, он не спасует. Для него нет ничего дороже в мире, чем такое доверие». Справедливость подобного взгляда не раз доказывалась временем и была вновь подтверждена в Сталинграде.

Дэвид Гланц великодушно прочитал мой текст и внес свой вклад в предисловие. Кроме того, Дэвид сумел скомпилировать и детально расписать хронологию первого, «оборонного» этапа битвы, отразив события каждого дня. Также я благодарен за прочтение моего исследования после его завершения Джефри Робертом и Альбертом Экселлом, который внес множество полезных предложений. Неоценимую помощь оказал мне и Сергей Петрунин, определивший, где именно проходил ряд боев, описанных ветеранами 62-й армии, что, безусловно, существенно дополнило книгу. Евгений Куличенко был моим проводником по самым глухим местам и закоулкам, где состоялись важ-

★ ОТ АВТОРА

ные бои Сталинградского сражения. Русс Щалке позволил мне процитировать письмо Иосифа Фурмана из его личной коллекции, а также дал ряд ценных советов относительно топографической характеристики места битвы. Помощь всех этих людей очень помогла мне в работе и расширила ее.

В книге, следуя стандартной практике западных исследований, я преимущественно применял определение «русский», за исключением тех случаев, когда слово «советский» звучало более уместно. При этом не следует забывать, что армия, защищавшая Сталинград, состояла из представителей всех республик СССР. Петр Межирицкий любезно подсказывал мне наилучшую форму написания ряда фамилий. Джейсон Марк присылал мне извлечения из новейших российских исследований, посвященных Сталинграду, в частности «1942 год» В. Бешанова, где содержится (стр. 558–559) описание предложения Чуйкова эвакуировать армейский КП на восточный берег Волги в критической точке битвы 14–15 октября.

Лоуренс Риз и его продюсер Мартина Балазова с интересом отнеслись к моим интервью с ветеранами и щедро позволили мне воспользоваться их собственным материалом, собранным для серии передач Риза «Война века», показанных по Би-би-си. Также я выражаю благодарность Ирине Черемушниковой, которая была моим переводчиком в Волгограде, и Елене Яковлевой, моему переводчику в Москве. С Еленой Яковлевой мне посчастливилось плотно работать в течение трех поездок в Россию, и нередко именно ее умение построить беседу с ветеранами помогало услышать реальные истории их боевого пути во всей полноте.

Защитники Сталинграда находились в гораздо худшем положении, чем зачастую представляют сегодня историки битвы. Дважды — 14 сентября и 14 октября 1942-го — Красная Армия оказывалась на краю катастрофы. Только осознав, насколько отчаянной была ситуация, мы сможем понять, сколь беспримерен был героизм солдат и офицеров, защищавших Сталинград. В этой книге я старался отдать свою дань их изумительной смелости.

Об этой книге

Упоминание Сталинграда — города на Волге, названного в честь Иосифа Сталина, — вызывает яркие ассоциации равно как у каждого русского, так и на Западе. Там произошло одно из наиболее жестоких столкновений между армиями во время одной из самых страшных войн двадцатого века. Русские, как и многие другие народы Советского Союза, восприняли победу армии в сражении как главное событие, спасшее город Сталина и их пошатнувшуюся национальную гордость. Ужас, потери и боль первых катастрофических восемнадцати месяцев войны были, наконец, преодолены, и Советская Армия стала двигаться к окончательной победе над Германией. Жители западных стран, которые не стремятся сегодня знать что-либо о советско-германской войне, признают, хотя и неохотно, вклад Красной Армии в победу союзников над Гитлером. Сталинградская битва оказалась ключевым моментом в этой титанической борьбе.

В течение последних шестидесяти лет огромный массив советских, немецких и других западных историков, а также множество высших военачальников, участвовавших в боях под Сталинградом, написали сотни книг, мемуаров и статей о той битве, что ясно указывает на необъятность и сложность темы. Советские авторы, которые, естественно, гордились достижен-

★ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

ями Красной Армии, начали разработку этой темы. Лучшими среди их книг мне показались следующие:

— «Сталинградская битва», написанная в 1960 году А. М. Самсоновым, ведущим советским военным историком;

— захватывающие и удивительно откровенные мемуары «Начало пути. Сталинград и Сталинградский рубеж», написанные в 1959, 1961 и 1979 годах соответственно генералами В. И. Чуйковым, Н. И. Крыловым и А. И. Еременко, Маршалом Советского Союза, командующим Сталинградским фронтом во время битвы;

— в 1965 году вышел грамотный и четкий военный анализ Сталинградского сражения «Великая битва на Волге» Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, который был командующим Донским фронтом на решающих этапах битвы.

Эти книги впечатляют, особенно когда описывают совершенство и мощь Красной Армии, что несет несколько пропагандистский оттенок. Однако, что особенно важно отметить для западного читателя, без отражения в них коммунистической идеологии эти работы не могли быть напечатанными, и их авторы знали об этом. По политико-идеологическим причинам они часто преувеличивали мощь и численность немецких войск, чтобы подчеркнуть доблесть Красной Армии. Приведу конкретный пример: во всех этих книгах отмечается, что в числе немецких формирований, атаковавших Сталинград, были 76-я и 44-я немецкие пехотные дивизии, хотя в действительности эти дивизии не принимали участия в боях за город. Советские авторы настойчиво подчеркивают доблесть ряда дивизий, которые были изначально «великими русскими», приуменьшая достижения других, «нерусских», дивизий. Они выделяют 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию Родимцева как элитное формирование, приуменьшая роль 284-й стрелковой дивизии Батюка, которая была сформирована в Сумской области Украины. Фактически обе дивизии понесли значительные потери в ходе боев в середине и в конце июля 1942 года, так что к началу сентября, когда они были переброшены под Сталинград, состояли преимущественно из плохо вооруженных резерви-

стов и новобранцев. После выхода на английском языке книги Чуйкова, ставшей первоисточником для большинства западных историков Сталинградской битвы, такие ошибки укрепились в большинстве исследований как несомненные факты.

Сегодня у нас нет возможности сравнить изложенное в советских мемуарах с мемуарами высшего командования Вермахта: написать их последним помешала смерть или долгие годы тюрьмы. Однако данный пробел в некоторой мере заполнен работами авторов, не относившихся к гитлеровскому генералитету, но все-таки представивших взгляд с немецкой стороны на события Сталинградской битвы.

К лучшим из подобных книг относится краткое, но пронительное исследование «Сталинград», написанное журналистом Хейнцем Шретером в 1958 году; превосходный анализ действий командования Вермахта «Паулюс и Сталинград», написанный выдающимся немецким военным историком Вальтером Гоерлитцем в 1963-м; а также солдатский взгляд на битву, отраженный в книге Пауля Кареля «Сталинград: поражение 6-й немецкой армии», написанной в 1993 году с помощью нескольких немецких ветеранов войны. Однако пока в подобных трудах недостает широкой документальной базы: записи большинства немецких военных формирований, сражавшихся под Сталинградом, были уничтожены за время войны либо вывезены частями Красной Армии.

Западные историки начали знакомить свою аудиторию с подробностями боев за Сталинград в начале 70-х годов двадцатого века, сопоставляя материалы из разнообразных советских и немецких источников. В числе первооткрывателей были Вильям Крейг с книгой «Враг у ворот», вышедшей в 1973-м, и Джон Эриксон, излагавший полную историю первой половины войны в работе «Дорога на Сталинград», опубликованной в 1975 году.

Среди более поздних исследований можно выделить следующие исторические обзоры битвы: книга «Сталинград», составленная В. Е. Таррантом в 1992 году, «Сталинград. 1942–1943: адский котел» Стивена Уолша (2000 г.), «Сталинградская по-

★ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

беда» Джеффри Робертса (2002 г.) и написанный в 1998-м захватывающий бестселлер Энтони Бивора, относящийся скорее к популярной историографии: «Сталинград: роковая осада, 1942–1943».

Все эти книги пользовались широким успехом, однако в ряде моментов они являются шагом назад по сравнению с работами предшественников. В частности, в них недостает новых, ранее неизвестных документов, а кроме того, авторы с излишним доверием относятся к мемуарам Чуйкова. Они держатся в русле «старой истории», повторяя известные прежде детали и увековечивая ошибки, пошедшие от работы Чуйкова.

Тем не менее, как показывает появление данной книги, ситуация изменяется к лучшему. В течение последних нескольких лет российское правительство наконец открыло доступ к основным архивным документам, связанным со Сталинградской битвой, в частности, к ежедневным рабочим отчетам Генерального штаба Красной Армии и дневникам боевых действий 62-й армии, а также подчиненных ей дивизий и бригад, причем все записи доступны без цензурных изъятий.

В то же время российские историки, такие как Алексей Исаев и В. В. Бешанов, написали честные и подробные книги об истории битвы, базирующиеся на этом новом материале.

Наконец, благодаря работе австралийского историка Джейсона Марка, который по крупицам собирал немецкие архивные документы о Сталинградской битве и написал великолепное подробное исследование боевых операций Вермахта в Сталинграде, мы можем посмотреть на происходившее тогда с немецкой стороны и сравнить подобный взгляд с советским.

Книга Майкла Джонса «Сталинград. Как состоялся триумф Красной Армии» представляет собой исследование хода битвы. Как и в хорошо зарекомендовавшей себя книге Бивора, автор стремится понять, какими людьми были участники боев, а потому фокусирует свое внимание в равной степени как на ключевых фигурах командования, так и на рядовых солдатах 62-й армии. Но Джонс заходит гораздо дальше Бивора в анализе психологии бойцов Советской Армии и успешно отвечает на

вопрос, что заставляло их сражаться и переносить невероятные трудности. В отличие от работы Бивора, которая строилась как умело сложенная мозаика из сведений, доступных еще в 70-х, Джонс, используя военные архивы для подтверждения драматических свидетельств ветеранов, исправляет многие закрепившиеся ошибки в изображении хода битвы. Сосредоточивая внимание на 62-й армии и давая яркие описания боев в городе с середины сентября до середины ноября 1942-го, он показывает Сталинград глазами участников битвы и, таким образом, раскрывает внутреннюю сущность сражения.

Книга, получившаяся в результате, сразу пленяет читателя. В предыдущих работах отчаянный, жестокий характер битвы не был передан столь отчетливо. Теперь мы можем представить ее во всем ужасе и лучше оценить смелость защитников Сталинграда. С этой точки зрения данную книгу можно назвать лучшей из опубликованных.

Вступление

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

«Нас становится все меньше и меньше, — говорит Анатолий Мережко, выпивая до дна рюмку водки. — Иногда возникает ощущение, будто мы последние из могижан». Мережко в составе 62-й армии выжил в Сталинградской битве и затем с боями дошел до Берлина и до Рейхстага, главного символа гитлеровского режима. После войны он дослужился до заместителя командующего Вооруженными силами стран — участниц Варшавского договора, завершил свою карьеру преподавателем военной академии. Но память о Сталинградском сражении не покидает его всю жизнь. «Это невозможно понять тому, кто не был там, — считает он. — Смотревшим на город с дальнего берега казалось невероятным, чтобы кто-то сумел выжить в таком аду. Но в критической точке битвы наша армия обладала огромной моральной силой. Даже когда мы были отброшены назад и до Волги оставалось не больше двухсот метров, мы верили, что выстоим. Это непередаваемое чувство. Даже новобранцы ощущали его. Те, кто выжил в первые дни битвы, зачастую изменились до неузнаваемости».

Анатолий Григорьевич Мережко более чем компетентен в вопросах Сталинградского сражения, одной из самых решаю-

щих битв в военной истории, ставшей поворотной точкой Второй мировой войны. Он учился боевому искусству страшным летом 1942-го, когда немецкие армии пробили 400-километровую брешь в советском Южном фронте и стремительно двигались к Кавказу с его жизненно важными нефтяными резервами и Сталинграду, центру русской военной промышленности и важнейшему звену коммуникаций и торговли.

Анатолию Григорьевичу исполнилось всего лишь двадцать, когда он был переведен в 62-ю армию, защищавшую осажденный Сталинград в кровопролитных городских боях. Размышляя о ключевых моментах битвы в последующие годы, он пришел к исключительному пониманию того, что происходило тогда. Рассказы Мережко, сопоставленные с рассказами других ветеранов Красной Армии, составили живую документальную базу, которая подвела фундамент под мое исследование легендарной битвы. Основное внимание в нем сосредоточивается на 62-й армии, противостоявшей немцам и удержавшей город: на решениях командного состава этой армии и на то, какими были моральные принципы рядовых бойцов и чем они руководствовались в самых отчаянных обстоятельствах. Отмечу, что поразило меня сразу, так это невероятное чувство товарищества между бойцами, оно помогало им выстоять в тяжелейших боевых условиях.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЕТЕРАНОВ

Многих ветеранов той знаменитой битвы уже нет с нами. С каждым годом их становится все меньше, все больше времени они проводят в больницах и госпиталях.

Сурен Мирзоян — один из бойцов, сражавшихся на улицах города. Он создал ажиотаж, неожиданно появившись у Музея обороны Сталинграда в Волгограде с большим чемоданом, ища, где остановиться в современном городе. Он и его молодая жена покинули свой просторный дом в Армении, потому что Сурен решил перед смертью вернуться в Сталинград, ныне переиме-

★ ВСТУПЛЕНИЕ

нованный в Волгоград. Он выбрал участок на Мамаевом кургане, высоте, за которую шли страшнейшие бои, как место, где ему хотелось бы быть похороненным.

Притягательная сила города и страшной битвы, в связи с которой его всегда будут вспоминать, покажется неожиданной большинству на Западе, где зачастую Сталинград ассоциируется с адом на земле, в котором русские и немецкие солдаты сошлись в битве не на жизнь, а на смерть. Кто в здравом уме захочет туда вернуться? Однако именно это место, ставшее адом в период Сталинградского сражения, как видно из рассказов ветеранов, привлекает их как любимый город, защищая который они выдержали нечеловеческие испытания и по праву гордятся этим.

Владимир Туров, выходец из деревеньки под Смоленском, был лейтенантом в пехоте. Он сражался в боях за Тулу и Москву в 1941-м и прошел всю войну. Но самый яркий след в его памяти оставил именно Сталинград. Он воевал в северо-западном пригороде Сталинграда Орловке в августе и сентябре 1942 года. Позднее, в июле 1943-го, часть Турова была направлена из Сталинграда на Украину. У них оставалась всего пара часов на разведку перед началом движения. Город еще не был расчищен от осколков снарядов и обломков зданий, везде стояли остовы немецкой техники. Окружающая местность выглядела похожей на лунную поверхность, покореженная от взрывов и рассеченная окопами, которые защитники города вырыли по всему его периметру.

С самого начала движения Туров и его товарищи не могли не удивляться тому, что видят вокруг. Им на пути попала закрытая брезентом воронка, она привлекла их внимание. Подняв брезент, они увидели нескольких молодых женщин, которым воронка служила кровом. Эти женщины работали на восстановлении Сталинграда и жили в столь суровых условиях. «Что же вы, лучшего места не нашли?» — спросил Туров и тут же понял, что в разрушенном войной городе им было больше негде поселиться.

«Мы пытались обустроиться в фюзеляже сбитого самолета, — рассказали они ему, — но постоянно натыкались на острые края покореженной металлической обшивки». Услышав это, Туров вдруг ощутил невероятный прилив любви к городу, до такой степени израненному войной. «Я пообещал себе, что если останусь жив после войны, то приеду и буду жить здесь», — говорит Туров. Он сдержал свое слово. После демобилизации Владимир Туров уехал в Сталинград и устроился там работать на одну из фабрик. Он живет в городе до сих пор.

Сталинград оставил глубочайший след в душах ветеранов. Харьковчанин Федор Шатравко был командиром танковой бригады. Он сражался в битве под Москвой в 1941-м и прибыл в Сталинград в апреле 1942-го для организации школы танкистов. Шатравко участвовал в защите города от первых фашистских атак. В конце сентября 1942-го он и его часть попали в немецкую засаду в северном пригороде Сталинграда Спартановке, танк Шатравко был подбит. Он до сих пор носит в себе осколок танковой брони, видимый сквозь кожу. Вырезать его в ходе операции оказалось невозможным: слишком близко находился нерв. Двое товарищей вытащили Шатравко из горящего танка, однако впоследствии оба они погибли. Он единственный из своей части уцелел в битве.

Находясь в госпитале, Шатравко узнал о судьбе своих сослуживцев. Он ощутил ужасное чувство утраты друзей и почувствовал себя виноватым, что он выжил, а они погибли. Ему до сих пор не верится в то, каким чудом ему удалось оказаться на эвакуационном пункте на Волге, куда доставляли раненых бойцов. Красная Армия применяла специально подготовленных собак, которые спасали раненых. Они были натренированы по запаху отличать трупы от оставшихся в живых и работали группами: несколько собак было запряжено в сани, а остальные бежали впереди и искали раненых. В ситуации, где не могли помочь люди, команда сильных собак, обученных подобным образом, нашла Шатравко, вытащила его на санях с поля боя и повезла вниз по

★ ВСТУПЛЕНИЕ

реке. Думая обо всем происшедшем годы спустя, он понял, что за всю войну нигде не пережил такого, как в Сталинграде.

В конце апреля 1945-го Шатравко с боями подошел к Берлину. Когда город пал, он вместе с сослуживцами направился к Рейхстагу. Там толпились бойцы Красной Армии. Каждый стремился оставить надпись на память на руинах символа нацистской Германии. Желающих было так много, что вокруг установили кордоны и новоприбывших пропускали к Рейхстагу небольшими группами по восемь-девять человек. В конце концов очередь дошла и до Шатравко. Уложив друг на друга несколько обломков и встав на них, он смог дотянуться до свободного от автографов места. Но что написать? Многие из его ребят оставляли на стене название местности, в которой они родились. Шатравко был рожден в Харькове, но под влиянием внезапно возникшего чувства он вдруг нацарапал: «Я из Сталинграда».

Битва за Сталинград стала чрезвычайным эмоциональным потрясением для многих его защитников, но далеко не обо всем они могли рассказывать. Красная Армия была частью коммунистического режима, который требовал лакированного изображения реалий войны. Сталинград стал выполнять функцию своего рода коммунистической иконы, поэтому официальная история тех событий была преобразена порою почти до неузнаваемости ради преувеличения славы государства. Подобный цинизм коробил даже убежденных коммунистов, воевавших под Сталинградом.

Гамлет Даллакян был работником штаба при Еременко и Хрущеве, когда они старались организовать защиту города в конце лета 1942 года. Он признает: «Мы не могли описывать, как все происходило, в течение очень долгого времени. Мы боялись быть откровенными. На самом деле на ранних этапах битвы мы, конечно, сомневались, что удержим город. У нас было слишком мало регулярных войск, и нам приходилось рассчитывать на плохо обученных новобранцев из гражданского населения. У нас не было сил, чтобы защитить город. Однако упоминать о том, что Сталинград мог пасть, было запрещено.